

HAL
open science

Погребения со щитом в Северном и Восточном Причерноморье в позднеантичное время : истоки обряда

Michel M Kazanski

► To cite this version:

Michel M Kazanski. Погребения со щитом в Северном и Восточном Причерноморье в позднеантичное время : истоки обряда. Вгazhba O.H. (dir.). Материалы Международной научной конференции, посвященной 75- летию со дня рождения ученого- кавказоведа Ю.Н. Воронова, Dom petchati, pp.133-144, 2018. <hal-03939621>

HAL Id: hal-03939621

<https://hal.science/hal-03939621>

Submitted on 3 Feb 2023

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВОРОНОВ
(1941–1995)

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМ. Д.И. ГУЛИА

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЁНОГО-КАВКАЗовеДА
Ю.Н. ВОРОНОВА**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЁНОГО-КАВКАЗОВЕДА Ю.Н. ВОРОНОВА/ АН Абхазии. АБИГИ им. Д. И. Гулиа.

Сухум: Дом печати, 2018 г. – 280 с.

«Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников». Сборник материалов Международной научной конференции», посвящённой 75-летию со дня рождения выдающегося учёного-кавказоведа Ю.Н. Воронова (20-24 ноября 2016 г., г. Сухум) Сухум, 2016 г.

В настоящем издании публикуются материалы научной конференции, посвящённой памяти выдающегося учёного-кавказоведа и государственного деятеля Республики Абхазия Юрия Николаевича Воронова. В сборник вошли материалы, отражающие родословную, научную и общественно-политическую деятельность Ю.Н. Воронова, а также материалы, представляющие новейшие археологические открытия исследователей от эпохи палеолита и до позднего Средневековья.

Сборник рассчитан на археологов, историков, студентов и широкий круг читателей, интересующихся археологией и историей Абхазии и Кавказа в целом.

Рецензенты:

к.и.н. А.Н. Габелия

к.и.н. А. Ю. Скаков

Редакционная коллегия:

Акад. АНА, д.и.н. О.Х. Бгажба (главный редактор),

к.ф.н. А.Е. Ашуба, к.и.н. А.И. Джопуа, к.и.н. В.А. Нюшков (ответственный секретарь),

н.с. отдела археологии АБИГИ АНА Г.А. Сангулия.

М.М. КАЗАНСКИЙ

(Париж)

ПОГРЕБЕНИЯ СО ЩИТОМ В СЕВЕРНОМ И ВОСТОЧНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ: ИСТОКИ ОБРЯДА

В первой половине III вв. н.э. в Северном и Восточном Причерноморье появляется серия могил, содержащих в своем погребальном инвентаре щиты с металлическими элементами (умбоны, манипулы, оковки). Это достаточно хорошо известные находки, о которых еще пойдет речь – курганы Садовый, Высочино, Танаис на Нижнем Дону, гробница Каллисфена в Керчи, два погребения могильника Нейзац в Юго-Западном Крыму, погребение на могильнике Шаумяновка в Абхазии. С III-IV вв. обычай помещения щита в могилу становится широко распространенным в Крыму, в Абхазии и в меньшей степени в Северо-Западном Причерноморье, на могильниках черняховской культуры. Наша задача – выявить возможные истоки этой практики.

Присутствие щита в погребальном обряде в позднелатенское и римское время хорошо фиксируется в кельтских и германских культурах Западной и Центральной Европы. Явно от кельтов и германцев этот обычай вместе с другими элементами воинской культуры (паноплия, ношение шпор, ритуальная порча оружия и др.) попадает в римское время к фракийцам, балтам, прибалтийским финнам. Потому неудивительно, что появление щитов в понтийских могилах было воспринято исследователями как археологическое свидетельство воинских контактов местных варваров с германцами. Так, присутствие умбонов щитов в «вождеских» сарматских курганах середины или второй половины I в. н.э. Садовый и Высочино, курган 28 (Рис. 1) было истолковано М.Б. Шукиным как возможная воинская добыча или дипломатические подарки германского происхождения, тем более, что в это время воинские сармато-германские контакты устанавливаются и по данным письменных источников (Шукин, 2011. С. 168, 169, 172). Среди нижнедонских погребений также необходимо упомянуть и привилегированное погребение 1 кургана 2.1964 г. Танаиса (Рис. 2), где в состав погребального инвентаря входил умбон с шипом типа Илькер 3с, периода S1a (170/180-210/220 гг.). Умбон принадлежит к поздней группе предметов, выявленных в могиле (тризна?), которая датируется рубежом II-III вв., и, возможно, была помещена в могилу *post mortem* германцами (Толочко, Шаров, 2016. С. 309, 310).

При этом исследователи сталкиваются с одной проблемой: нет никаких исторических свидетельств о германцах в Черноморском бассейне между концом III – началом II до н.э. (скиры декрета Протогена, см. Шукин, 1994. С. 97) и серединой III в. (прорыв готов и боранов на Черное море). Часто реконструируется еще одна волна миграции германцев, докатившаяся до Понта во II в. н.э., не засвидетельствованная письменными источниками, но оставившая ряд археологических свидетельств, в частности, находки поясных и конских гарнитур, пластинчатых гривен, украшений круга т.н. варварских эмалей (Васильев, 2005; Шаров, 2010; Шаров, 2013). Впрочем, поясные гарнитур, пластинчатые гривны и «варварские» эмали, по справедливому мнению исследователей, выявивших эту волну миграции, оказываются в значительной степени не столько германскими, сколько балтскими, или по крайней мере, происходящими не из германского, а из «лесного» восточноевропейского мира. Но в конечном итоге нельзя исключать возможность прорыва каких-то нам неизвестных германских (или смешанных) групп мигрантов в Северное Причерноморье в эпоху ранее Готских войн середины III в.

Однако вряд ли обряд помещения щита в могилу мог быть приесен этими гипотетически германцами, по крайней мере такая версия не является единственно возможной. В этом убеждают некоторые находки в Абхазии и Крыму. В том, что касается восточного побережья

Черного моря, напомним, что известные здесь щиты с металлическими умбонами и манипулами, не имеют аналогов в других регионах Кавказа (Воронов, Шенкао, 1982). Типы умбонов и манипул, представленные здесь в римское время и в эпоху переселения народов распространены как у германцев, так и в Римской империи. Наиболее ранний металлический умбон в контексте цебельдинской культуры отмечен, насколько можно судить по публикации, уже на стадии I/1 (170/200 – 260/270 гг.) по хронологии цебельдинской культуры, в погребении-кремации с мечем у с. Шаумяновка (Рис. 3) (Гунба, 1978. С. 60, 61, табл. 48:8). Показательно, что умбон здесь римского типа, полусферический, типа Zielsing M-R1 (Kazanski, 1994. P. 437). При этом на первой стадии существования цебельдинской культуры никаких германских элементов в ней в принципе не замечено, они появляются позднее, на стадии I/2, т.е. в 260/270 – 330/340 г. (Казанский, 2015а. P. 54). Итак, меченосец из Шаумяновки завел себе щит с римским умбоном, скорее всего, без посредства германцев.

В Керчи-Пантикапее, парадный умбон с рельефным декором на калотте и с шипом (Рис. 4) был обнаружен в 1894 г. на северном склоне горы Митридат, в могиле Юлия Каллисфена с типичным для могил боспорской знати погребальным инвентарем II в. (Рис. 5) (Шаров, 2011. С. 220, Рис. 8; Шаров, Чореф, 2015). Погребенный здесь боспорский аристократ вряд ли был настолько эксцентричен, чтобы даже в страшном сне мог представить себя дикарем-германцем (если он вообще что-то слышал про их существование). Что же до умбона, то его форма, известная теперь благодаря реконструкции О.В. Шарова, сопоставима с «парадными» центрально- и северо- европейскими умбонами с шипом типа Херпай (ср. Шаров, Чореф 2015: Рис. 10), изготовленными под сильным влиянием римской традиции (Казанский 2015в: 281-283, там же библиография).

Эти два примера убеждают меня в том, что, не отрицая самого факта прорыва неких германцев в Северное Причерноморье во II в. и появления здесь в связи с этим событием отдельных элементов германской культуры, необходимо рассмотреть и другие возможности появления на Понте обычая помещения щита в могилу. Кстати, этот обычай не является исключительно германским, скорее всего, в эпоху латена он распространялся в рамках известного феномена кельтской «вуали», в свое время отмеченного М.Б. Щукиным (Shchukin, 1989. P. 16; Щукин, 1994. С. 18).

В этом смысле показательны находки умбонов в некоторых могилах фракийской романизированной знати Мезии I – первой половины III вв. (Wozniak, 1975; Zielsing, 1989. P. 1000, 1001, Kat. 2016, 2017, 2020-2022; Kazanski, 1994. P. 436). Необходимо подчеркнуть, что находки умбонов в этих погребениях уже рассматривались в качестве элемента кельтского влияния и /или присутствия (Wozniak, 1975). В качестве особо показательных можно назвать такое привилегированное погребение как Димитриево (Рис. 6: 1), захоронение с колесницей (Велков, 1943. С. 196; Zielsing, 1989. С. 1000, Kat. 2016), сопровождавшееся умбоном типа Цилинг N-a, типичным для периода B1 (10/20-70/80 гг.) (Zielsing, 1989. P. 132). Еще одно погребение, это курган Караагач (Велков, 1928-1929. С. 24; Zielsing, 1989. P. 1000, Kat. 2017), в котором найден бронзовый умбон типа Цилинг I4 (Рис. 6: 3), особенно типичный для периода B2 (70/80 – 160/170 гг.) (Zielsing, 1989. P. 119, 120). Подчеркнем, что близкий умбон был найден в Юго-Западном Крыму, на могильнике Нейзац, в погр. 152 (Рис. 7: 1), первой половины III в. (Храпунов, 2011. С. 32-34. Рис. 29: 1). Еще один очень похожий умбон происходит из древнего сирийского города Хауран (Рис. 8). Он случайно был мною замечен и сфотографирован в Национальном Археологическом музее в Дамаске в 1989 г. (Kazanski, 1994: pl. 17)¹. Сирийская находка свиде-

¹ При этом мне не была предоставлена возможность зарисовать умбон, мой фотоаппарат сломался непосредственно в момент съемки данного предмета через стекло витрины, а пленка впоследствии была безвозвратно потеряна фотографом лаборатории Музея Национальных Древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ. По счастливой случайности у меня сохранился слайд с умбоном, который и воспроизведен в публикации 1994 г., а также в данной работе.

тельствует в пользу сомнений относительно связи умбонов этого типа только с германским миром. К числу привилегированных погребений с умбоном относится и курган №1 Садово, датированный болгарскими археологами I в.н.э. (Жуглев, Калудова, 1963; Zieling, 1989. P. 1001, Kat. 2021) и содержащий умбон типа Цилинг E1 (Рис. 6:2), времени B1-C2 (Zieling, 1989. P. 79, 80). Из других находок следует процитировать «воинское» погребение из Серики (Рис. 9), с копьем, мечем, щитом и материалом I – первой половины II вв. (Писарова, 1995, обр. 16)¹.

Наконец стоит упомянуть и находку двух щитов с металлическими умбонами в знаменитом кургане 2 фракийского могильника Чаталка «Рашава Драгана». Раннее погребение в нём датируют концом I или началом II вв. и видят здесь явное присутствие сарматского культурного элемента (Буюклиев 1995; Негин, Камишева, 2016). Из двух умбонов я смог ознакомиться с предварительной публикацией одного из них (Буюклиев, 1976: обр. 12)². По имеющемуся в моем распоряжении фото форму умбона трудно определить, ясно лишь, что он имеет высокую сфероконическую калотту и сравнительно узкие поля.

Наличие вышеперечисленных погребений фракийской военизированной знати могло бы, как мне кажется, объяснить и появление обычая помещения умбона в могилу в Крыму. Совсем не исключено, что он иллюстрирует влияние фракийских воинских обычаев на погребальный обряд населения Крыма (Kazanski, 1991. P. 501, 502). Как известно, в это время фракийские вспомогательные воинские части находились в Херсонесе (см. напр. Кадеев, 1981. С. 96, 97).

Однако «фракийский след» – это лишь одна из возможных причин появления этого обычая на Понте. Имеется и другая – воздействие аристократической культуры эллинизированного римского Востока. Действительно, в I–II вв. присутствие щита в гробнице отмечено и на другом конце греко-римского мира. Я имею в виду материал некрополя знати сирийского города Хомс, входившего в Римскую империю, но до середины I в. н.э. управлявшегося местными династиями, как и соседняя Пальмира, где автономная царская власть продержалась дольше. Здесь в Хомсе обычай помещения щита с металлическим умбоном аттестован в богатом погребении № 11 (Seurig, 1953. P. 16-21). В гробнице находился саркофаг с серебряной гарнитурой (Рис. 10:3). Захоронение было подвергнуто грабительским раскопкам, затем исследовано археологами, часть вещей удалось собрать у торговцев – это шарнирный золотой торк (Рис. 10:5), сердоликовый веретенообразный предмет с золотой обкладкой в виде львиных голов на конях (Рис. 10:4), золотые брактеаты (Рис. 10:1), возможно нашитые на одежду, золотая булла (Рис. 10:2), зеркало из посеребренной бронзы, золотые цепи (Рис. 10: 6,7), сфероконический умбон из посеребренной бронзы (Рис. 10:9) и, предположительно, серебряная оковка края щита (Рис. 10:), положенные сверху на саркофаг.

Феномен аристократической моды хорошо известен в античном Северном Причерноморье. Эллинские черты престижного погребального обряда, такие как золотые маски и погребальные венки, хорошо представленные в захоронениях боспорской правящей элиты, не зародились сами по себе на Боспоре Киммерийском, а были принесены сюда из эллинизированного восточного Средиземноморья. Поэтому вполне возможно, что аристократическое погребение со щитом в Хомсе, могилы фракийской романизированной знати в Мезии, гробница Юлия Каллисфена на горе Митридат и, наконец, кремация меченосца в Шаумяновке – это звенья одной цепи.

Погребальная мода, как и всякая другая, благодаря хорошо налаженному механизму имитации социально престижной культуры, попадает от аристократии к «рядовому» населению в первую очередь к представителям верхушки «среднего класса». В данном случае примером могут служить склепы Юго-Западного Крыма или «воинские» могилы Абхазии, где найдены металлические детали щитов. Это, например, та же могила в Шаумяновке или склепы Нейза-

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить Олега Шарова за любезные консультации и помощь в работе над этой статьей.

² Мне осталась недоступной монографическая публикация памятника

ца, точнее погр. 152 первой половины III в. с умбоном типа Караагач, погр. 152, или же погр. 306, с умбоном с шипом (Рис. 7: 2), а также с манипулой, которые по скандинавским параллелям датируются периодами B2b-C1, т.е. временем около 160/180 – 250/270 гг. (Храпунов, 2011. С. 32-34. Рис. 29). Итак, рассматривая наиболее ранние погребения со щитами в Северном и Восточном Причерноморье, необходимо учитывать три возможных источника этого обряда: влияние воинских обрядов германцев, заимствование погребальной практики фракийских отрядов римской армии и распространения аристократической моды из римского эллинизированного Сердиземноморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буюклиев Х. За ниличието на тежко въоръжени коници в римска Тракия // Музеи и паметници на културата 2, 1976.
- Буюклиев Х. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. // РА. 1995/1.
- Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен. – Санкт-Петербург, 2005.
- Велков И. Нови могилини находи // Известия на българския археологически институт 5, 1928-1929.
- Велков И. Погребение съ колесници // Известия на българския археологически институт 14, 1943.
- Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII в. // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. – М., 1982.
- Гунба М.М. Новые памятники цебельдинской культуры. – Тбилиси, 1978.
- Жуглев К., Калудова Й. Могилни находки от с. Садово, Асеновградско. Археология 5/4, 1963.
- Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. – Харьков: Вища Школа, 1981.
- Казанский М.М. Германские элементы в материальной культуре Абхазии в позднеримское время и в эпоху переселения народов. Scripta Antiqua 4, 2015a.
- Казанский М.М. О происхождении восточнобалтских умбонов с „жемчужным” декором. Barbaricum 11, 2015b.
- Негин А.Е., Камнишева М. Дроспех катафрактария из погребения в кургане «Рошава Драгана» // Stratum plus 2016/4.
- Писарова В. Могилен гроб на воин от покрайните на римска Сердика. Археология 37/3, 1995.
- Толочко И.В., Шаров О.В. Танаис. Курган №2 римской эпохи. // Элита Боспора и Боспорская Элитарная культура. – Санкт-Петербург, 2016.
- Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. – Симферополь, 2011.
- Шаров О.В. Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения «германских древностей» на Боспоре) // Stratum plus 2010/4.
- Шаров О.В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2011.
- Шаров О.В. В поисках страны «Ойум»: эпос или реальность? // Древности Западного Кавказа 1, 2013.
- Шаров О.В., Чореф М.М. К вопросу о датировке tabula ansata с именем Юлия Каллисфена // Stratum plus 2015/4, 357-378.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. – Санкт-Петербург, 1994.
- Щукин М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // Stratum plus 4, 2011.
- Kazanski M. Contribution à l'histoire de la défense de la frontière pontique au Bas-Empire. Travaux et Mémoires 11, 1991.

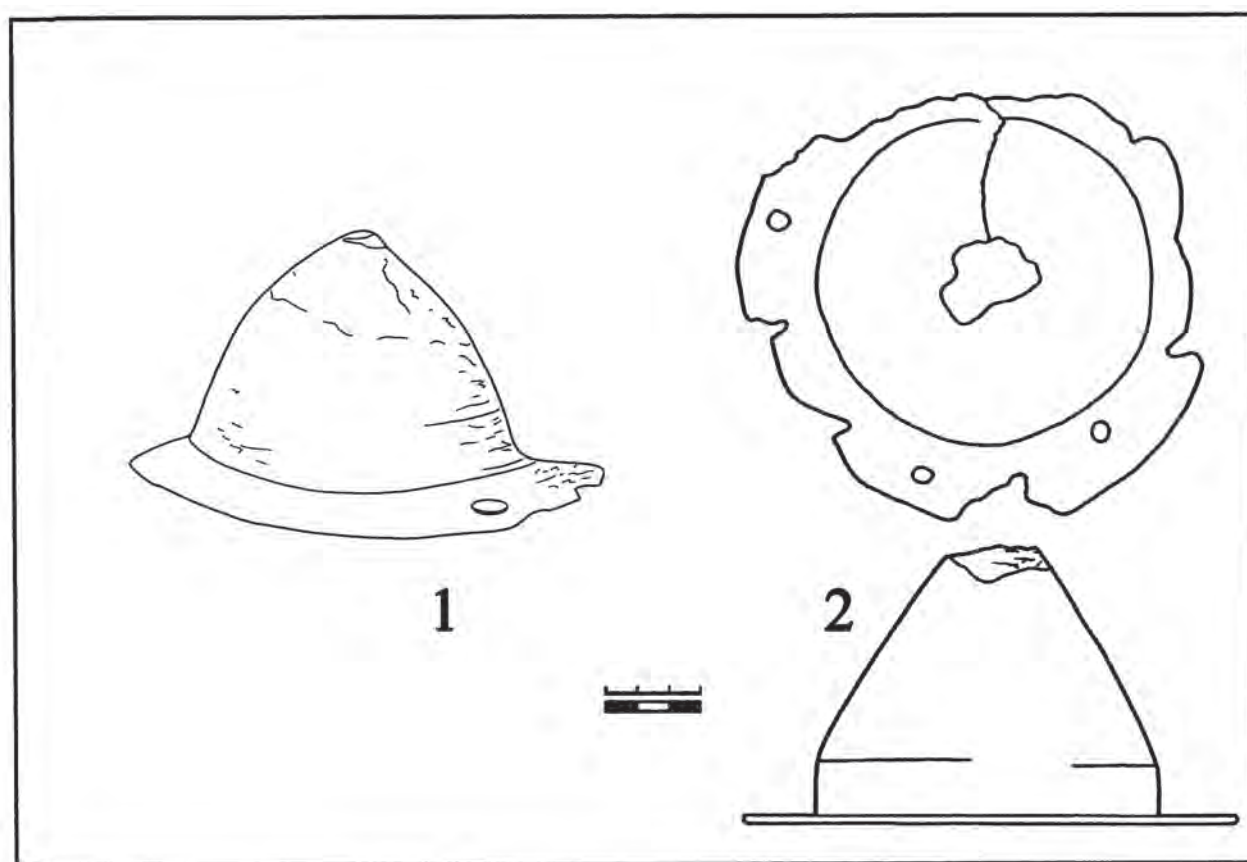
Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion. In : von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, 1994.

Shchukin M. B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st Century B.C. – 1st Century A.D. (BAR International Series 542). Oxford: B.A.R.

Seyrig H., Antiquités syriennes. 53 (suite). Antiquités de la nécropole d'Emèse. Syria 30, 1953.

Wozniak Z. Die Kelten und die Latènekulturauf den thrakischen Gebieten. Alba Regia 14, 1975.

Zieling N., Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien (BAR International Series 505). Oxford: B.A.R., 1989.

Рис. 1. Умбоны из сарматских нижедонских погребений Садовый (1) и Высочино (1).
По Щукин 2011: Рис. 1.

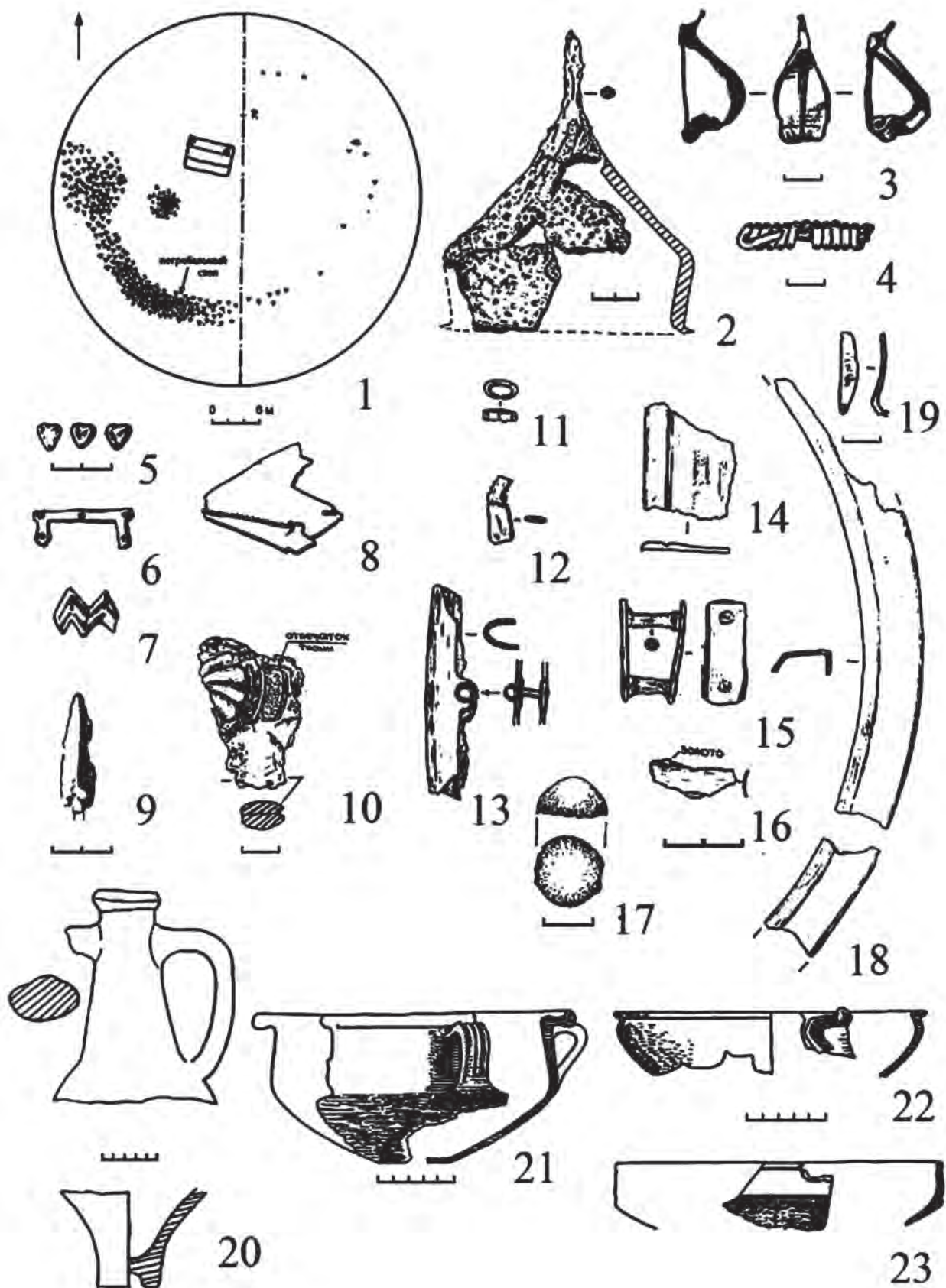

Рис. 2. Танаис, курган 2.1904 г.
По Толочко, Шаров 2016: Рис. 1.

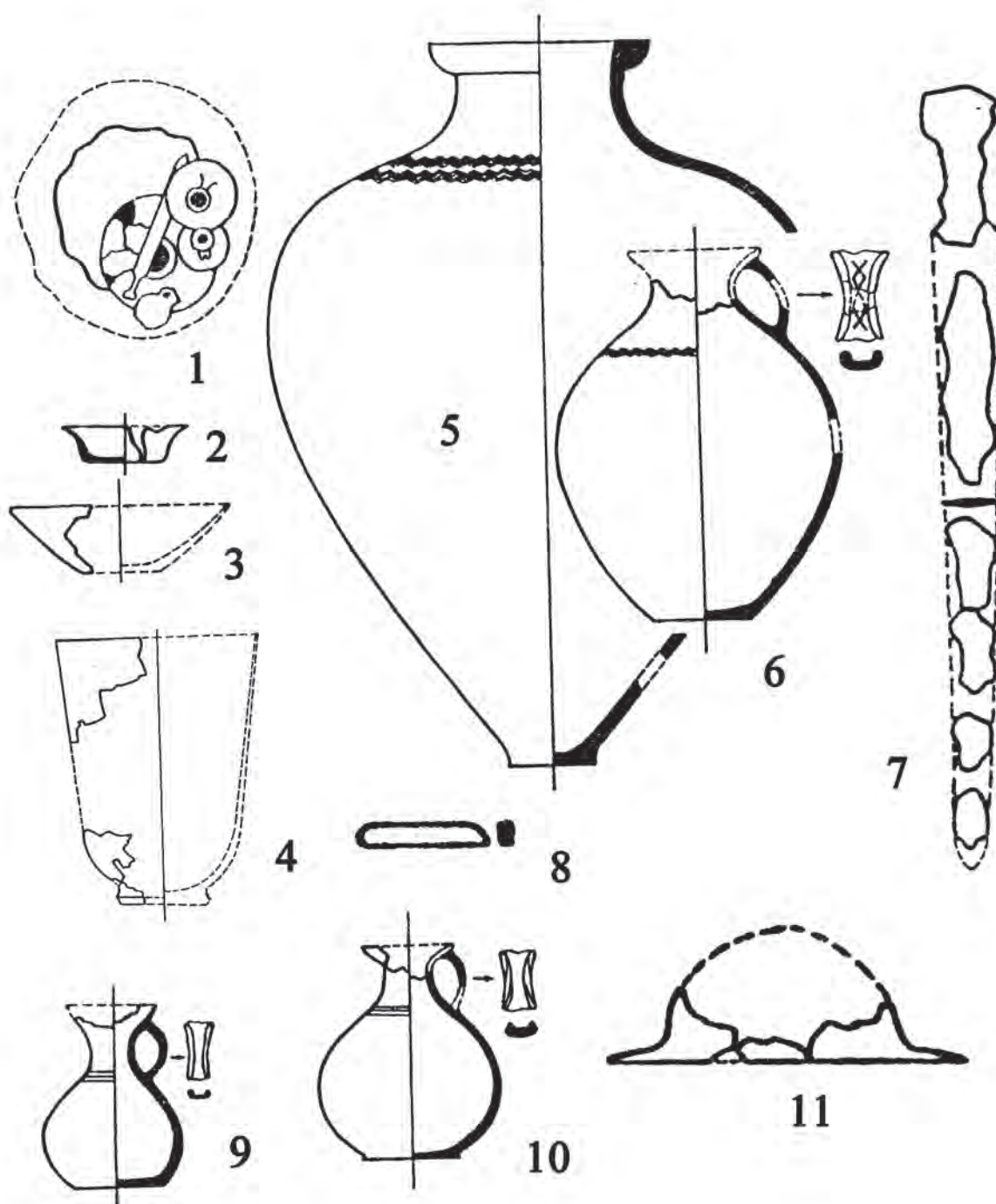

Рис. 3. Погребение у с Шаумфяновка.
По Гунба 1978: табл. 48.

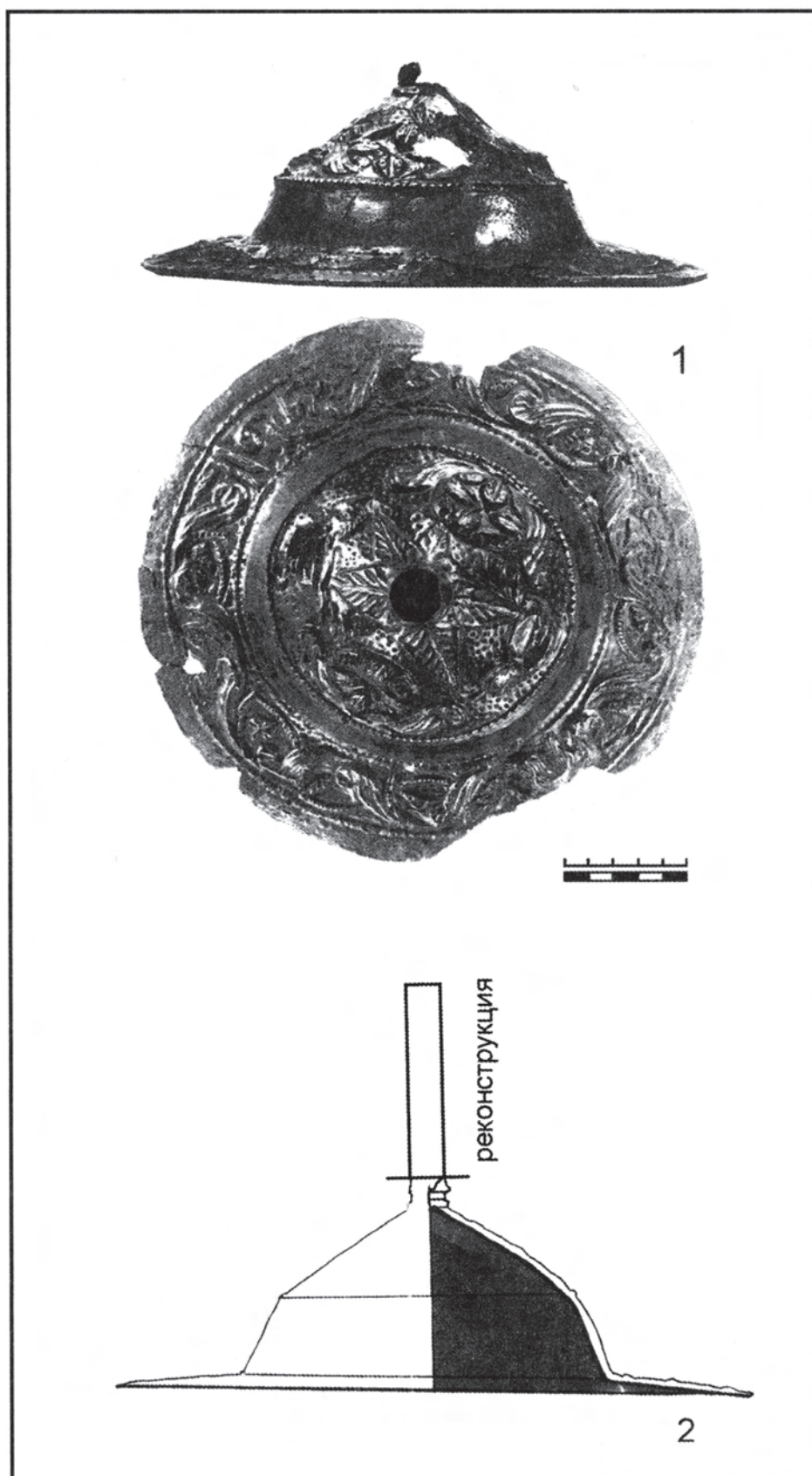

Рис. 4. Умбон из погребения Юлия Каллисфена.
По Шаров, Чореф 2015: Рис. 7.

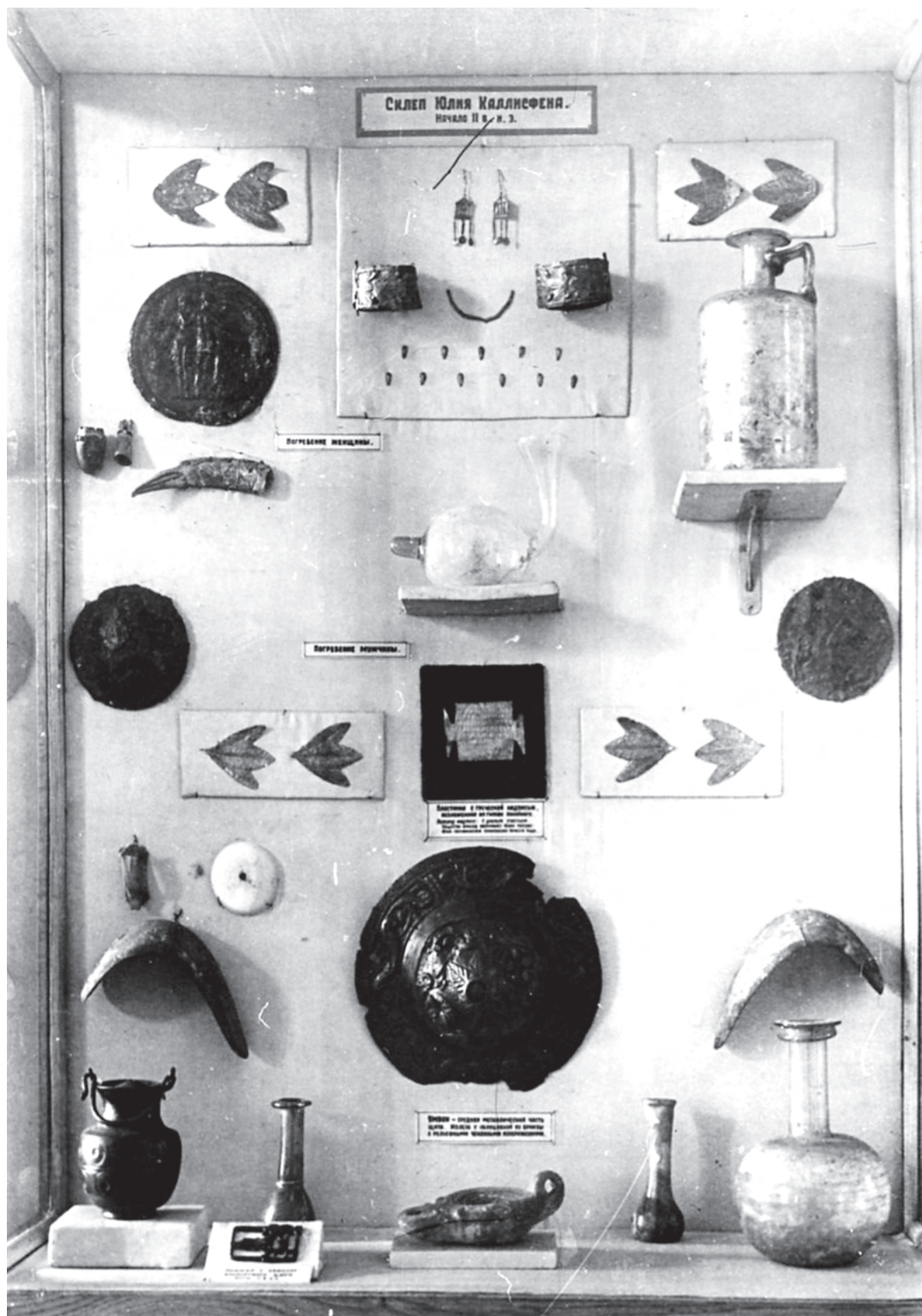
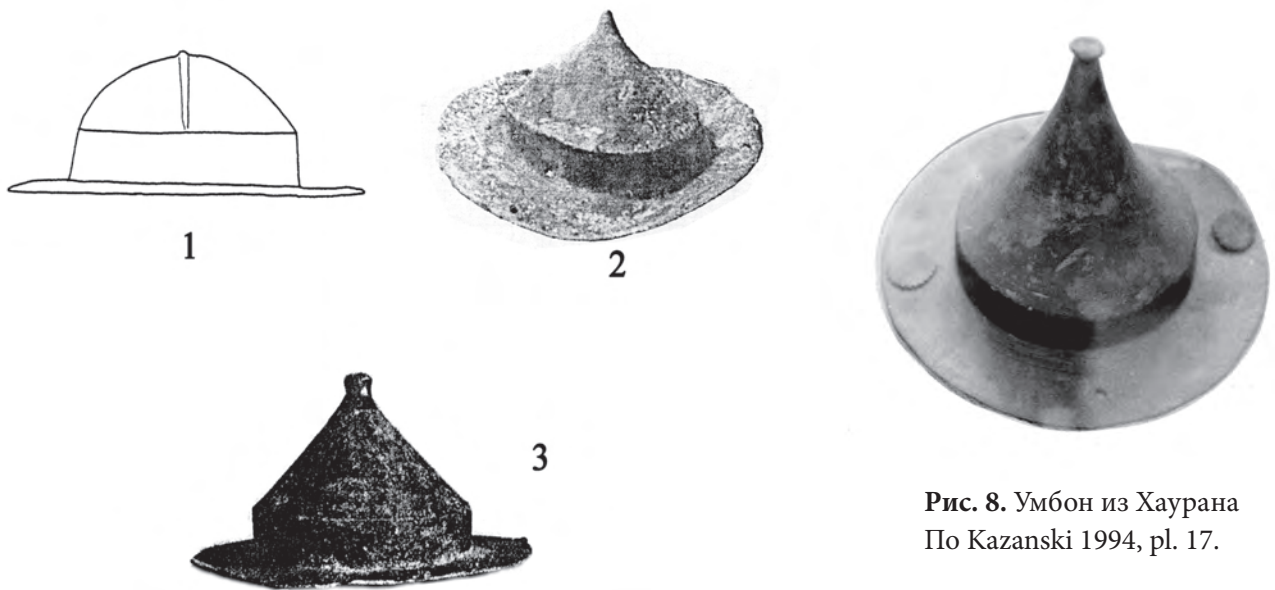

Рис. 5. Витрина с вещами из погребения Юлия Каллисфена.
По Шаров, Чорев 2015: Рис. 6.

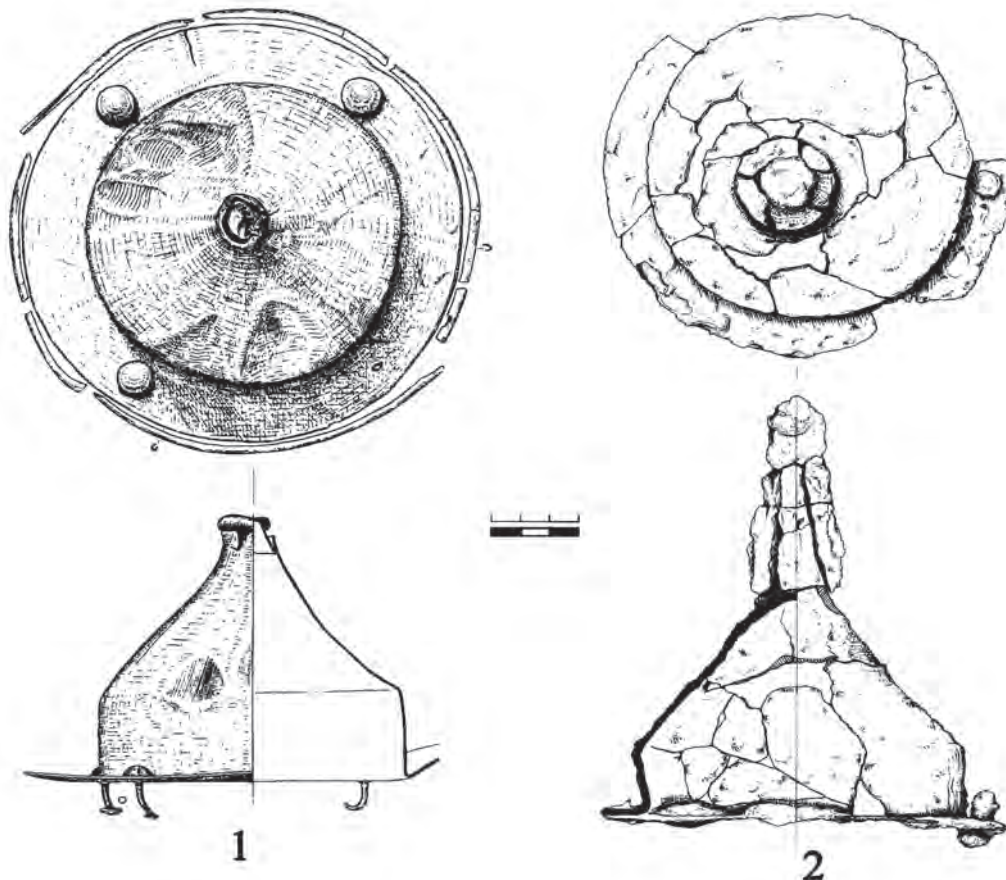

Рис. 8. Умбон из Хаурана
По Kazanski 1994, pl. 17.

Рис. 6. Умбоны из фракийских погребений в Мезии.

1: Димитриево; 2: Садово; 3: Караагач.

1 – реконструкция по Велков 1943: обр. 274; по ; 2 – по Жуглев, Калудова 1963: обр. 12; 3 – по Велков 1928-1929: обр. 24.

Рис. 7. Умбоны из могильника Нейзац.

1: погр. 152; 2: погр. 306.

По Храпунов 2011: Рис. 25.

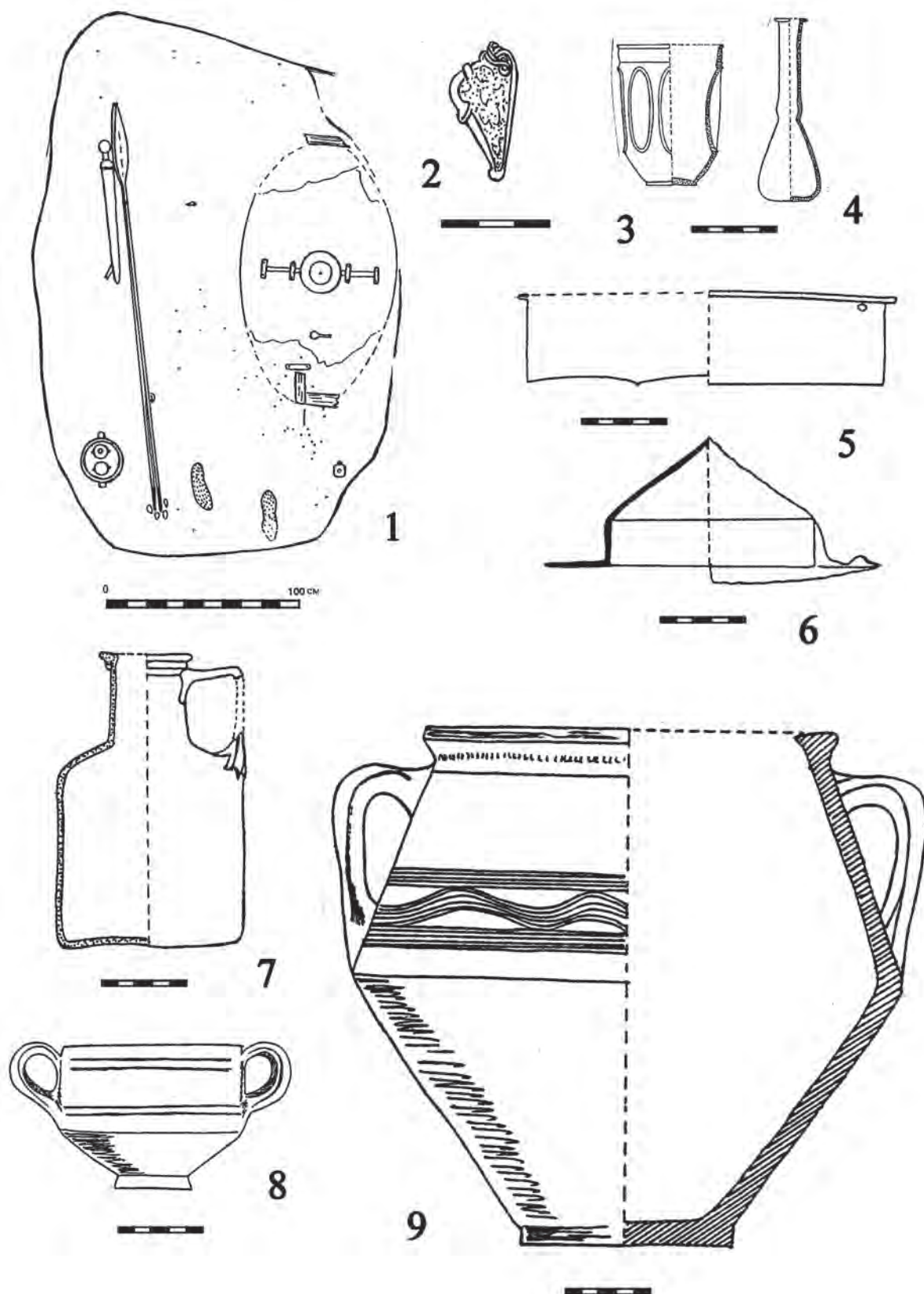

Рис. 9. Погребение в Сердикe.
По Писарова 1995, обр. 16.

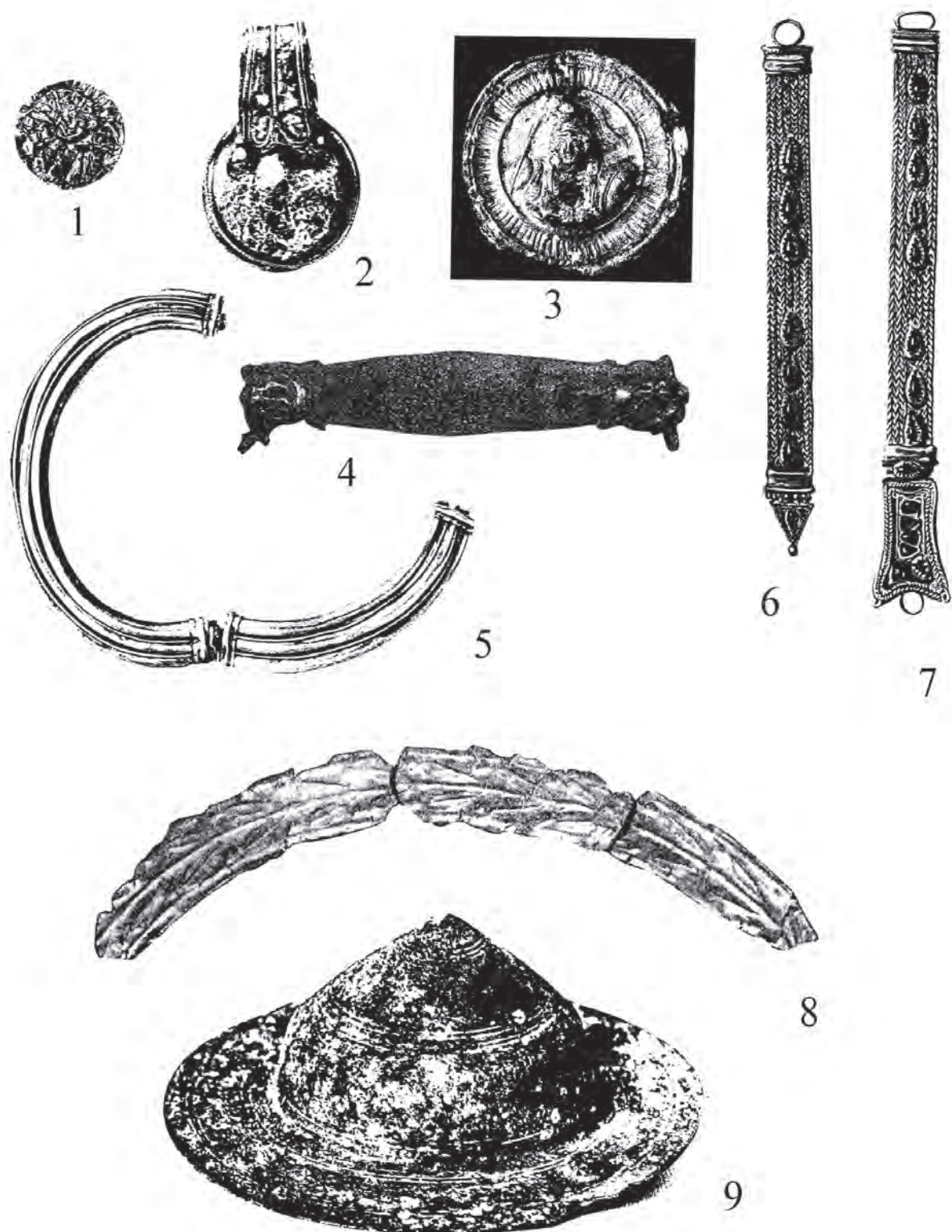

Рис. 10. Вещи из погребения 11 в Хомсе.
По Seyrig 1953, pl. 7,8, A.